

Три богатыря

Жил-бул один человек. И сам не знает — то ли с неба упал, то ли из земли вишёл. Вдруг об онну пору увидел от него недалеко город. И смотрит — от этого города утром мимо его проезжают люди, к вечеру едут назад. У них лежат луки и стрелы, и лежат убитые зайцы. Думает шибе умом: «Я стану шибе делать луки: может, убью зайца. Я его хоть покушаю». Сделал шибе лук. Потянул этот лук — изломался. Другой раз загнул лук, потянул лук — изломался. Думает умом: «Пойду я по городу, быть может, у кого-нибудь выпрошу лук».

Пошел в город. Идет по городу. Шел, шел, шел. Зашел прямо (к) сару во двор. Поклонился: «Здравствуй!» — «Ну расскажи, какой человек, какое имо и звание?» Поклонился: «Ваше сарское величество, я не знаю шибе никакое имо». Сар спрашивает: «Что ты пришел, чего чибе нужно?» — «Ваше сарское величество, нет ли у вас какой-либо лук?» — «Э, есть, — говорит, — агде-то бул ошилково лук. Принесите!» Пошли. Видит — несут шестеро. Шестеро принесли, на калиновый мос(т) положили — калиновый мос(т) погнулся: такой тяжелый. «Вот, — говорит, — вожьми этот лук, только умей вытянуть». — «Ланно». Взял этот лук, потянул — попробовал надоть. Потянул этот лук — натрое изломал. Сар на него стопал ногами: «Ах, — говорит, — какие чибе луки достану, если ти ошилковый лук изломал?» Он сперепугался, насилу нашел двери выдьти.

Пошел по городу. Шел, шел, шел, в самую зашел концевую юрточку. Сидит старик со старухой. У старухи сломанная нога, сломанная рука и викапанной глаз. И у старика тоже. «Здравствуй, дедушка!» Он видернул тугую стросточку, ударил его по лбу: «Здравствуй, дурак сибиряк!» — «Ой, спасибо, — говорит, — дедушко, хоть ти мне имо дал!» Старичок отвечает: «Чего пришел ко мне, Дурак Сибиряк?» — «А вот, дедушка, — говорит, — я хотел просить у чибя какой-либо лук. У меня никакой лук нету. Я у сара ошилково лук изломал». — «Поди, — говорит, — старуха, принеси мой лучок». Пошла старуха, принесла. «Ой, дедушко, он очень худой, — говорит, — я его онним мизинчиком изломаю!» — «Ну, попробуй!» Взял этот лук, потянул, стал тянуть, стал тянуть — даже тетиву не может признать. «Тяни, — говорит, — ти даже ошилковый лук изломал, мой не изломашь?» Тянул, тянул, тетиву не мог признать. «Ну, старуха, ти его пои-корми, а чибе

стану рассказывать, ми какие були люди. Ти расхвастался, что ошилковый лук изломал. Дурак Сибиряк, слушай!»

«Вот когда я родился, бул с оссом, с матерью. Вдруг об онну пору я пошел и заблудился. Зашел в такой чемный лес, шел-шел по лесу и на открытое место вишёл, и пошел по открытому. Шел-шел, увидел юрту. Вошел в эту юрту. В онном углу налитое золото, в другом углу — налитое серебро. И в онном углу стоит фляга с водкой. И тут ковшин. Взял я выпил этот ковшин с вином, а потом и другой черпнул, выпил. И стал ходить по юрте и петь песни. Вдруг слышу — стук застучел, гром загремел. Ражъяхались двенадцать разбойников, воскочили в юрту, поймали меня и стали обыскивать: «Ты, оннако, чего-либо вжял!» Меня обыскали, ничего не нашли, а я сказал, что выпил всего два ковша вина. Атаман есть и есаул есть. Атаман отвечает: «Что, есаул, вожьемем этого человека с собой?» — «Э, — говурит, — вожьемем, пускай с нами тринадцатой». Вжяли с собой этого человека, пригласили. Вечер стал, лягли спать.

Утром встали. Атаман говурит: « Есаул, ми сегодня днюем, никуда не поедем» . — « Э, днюем». Смотрю — стали они пить вино и стали гулять. Есаул (в)зглянул окном: « Ч т о, атаман, ми сегоння продневали в счастливый день: сами деньги идут во двор!» А я это слушаю, не понимаю, что они бают. Вдруг припал к окну, увидел — едет купец на двух конях, на черном и белом. Как до этою юрты начал доезжать, они послали шестерых и сказали: «Чего везет, пусть даст». Он как яхал, так и едет. Потом побежали вше двенадцать разбойников, его остановили и стали вше его сами ворочать. На это он отвечает: «Дайте мне с лошади спуштиться, я сам вам видам». Смотрю — он с лошади спуштился. Видернул перметы. В этих перметах достал такую стросточку, ровно струку величина. Вжял этой стросточкой ударил — шестерых головы отсек, тоже ударил — у других шестерых отсек головы. Я побежал и стал кричать: «Православной, вожьми меня с собой!» Он на мое лицо посмотрел и сказал: «Ланно, вожьму. Садись на белого коня и завязывай глаза — ветром обдует глаза. Я сам поведу в поводу». Он шял на черного коня, а я — на белого.

Яхали, яхали, долго ли, коротко ли, остановились. Мне отвечает: « Глаза отвяжи». Я глаза отвязал — стоит юрта. Вошли в эту юрту — сидят очес, мать и три шестры. Вот я стал жить у них.

Жил, жил, жил. Аннезду мне говурит: «Ми, парень, поедем. Мине поди обеих коней поймай». Пошел коней хватать — кони не даются. Вдруг большая его шестра вишла и коней поймала. « Поди, — говурит, — домой. Станут

спрашивать, что коней сам поймал, отвечай: сам. На меня не сказывай». Пришел. «Ну, коней поймал?» — «Поймал». — «Ну, поди обуздай таперя». Вишёл — узды не мог поднять. Вдруг старшая шестра вишла, спросила: «Не можешь?» — и обуздала. «Спросят, сам обуздал, — говурит, — ти отвечай, что сам. Поди в дом». Пошел. «Коней обуздал?» — «Э, обуздал». — «Ну поди обшедлай». Шедла не мог поднять. Вдруг большая шестра вишла, вжяла коней обшедлала. «Ну поди! Таперя, — говурит, — спросят: коней обшедлал? Ти отвечай, что обшедлал». Вошел. «Чо, обшедлал коней?» — «Обшедлал». — « Ну, поедем». Шял он на черного, я на белого, пояхали.

Яхали, яхали, яхали. Вдруг увидели — стоит юрта. Зашли в эту юрту — на столе разоставлены вшыкие разные закуски, вшыкие разные запивки. Попили, поели. Стали ночевать. Он мне отвечает: «В эту ночь ти не спи, сиди, а я лягу. Чуть утренняя зара займется, и со зарей вместе станет подыматься морочок. Есть пятипудовый молоток, ти этим молотком по лбу колоти». Он ляг. Я стал сидеть.

Сидел, сидел, сидел. Утренняя зара поннялась — и стал морочок вместе подыматься. Вжял этот пятипудовый молоток, стал колотить по лбу. Лоб крошет — он не подыматся. Морочок ближее, ближее стало. Я вжял заплакал, и слеза упала на грудь — и он проснулся. Окном припал, вымылся, попил, поел. «Ну, — говурит, — таперя надо яхать. Ти останься, я поеду». Стал наряжаться, говурит: «Ешли гром загремит, роса станет падать, ти на дворе не будь!» Уяхал.

Я на двор вишёл — гром загремел, роса стала падать. Побежал в юрту, до дверей дошел и ничего не помню. Лежал, лежал, коротко ли, долго ли — учувствовался. Вижу — едет. Прияхал. «Ну, — говурит, — вон подальше видится, стоит дуб. Поди этот дуб принеси, с корня сорви и вожле моего коня поставь, я по ней стану с коня спускаться. А так не могу — очень устал». Пошел, дуб сорвал, вожле его коня поставил. Он по этому дубу стал спускаться — дуб до половину в жемлю ушел от его тяжести. Спустился.

«Ну, парень, онного богатыря, — говурит, — я убил, таперя осталось двое богатырей. Я спать лягу — ти сиди. Утренняя зара займется, со зарой вместе будёт подыматься морочок. А есть десятипудовый молоток, вон лежит —

этим молотком меня колоти по лбу». Он уснул.

Я сидел, сидел, сидел. Утренняя зара занялась, со зарей вместе морочок. Хватил этот десятипудовый молоток и стал колотить по лбу. Лоб крошеет, а он не может разбудиться. А морочок всё ближе. Заплакал, слеза упала на грудь — он разбудился. Вымылся, попил, поел. «Ну, — говорит, — я поеду. Гром загремит, роса станет падать, на дворе не будь!» — «Ланно». Он уяхал.

Сидел, сидел, сидел. Вишёл во двор. Гром загремел, роса стала падать — в юрту побежал. Только что до дверей добежал — и ничего не чувствую. Учувствовался. (В)зглянул — едет. Прияхал. «Вон-ка дуб стоит, поди принеси, — говорит, — я по дубу стану спускаться». Пошел, дуб сорвал, принеши, возле него поставил. Он стал (по) этому дубу спускаться — дуб наполовину в жемлю ушел.

«Ну, — говорит, — парень, убил я другого богатыря. Остался один богатырь». Вечер стал. «Ну, парень, — говорит, — посленняя ночь. Сиди! Утренняя зара станет заниматься — подыматься станет морочок. Бери вот пятнадцатипудовый молоток и колоти меня по лбу».

Сидел, сидел. Утренняя зара стала заниматься — подыматься стал морочок. Взял пятнадцатипудовый молоток и стал его колотить по лбу. Лоб крошеет — он не разбужается. Морочок ближе встает. И чуть небо вшё не закрыл, этот морок. Я заплакал, и слеза на грудь упала — и он разбудился. Окном припал: «Ох, парень, — говорит, — сильно опоздали!» Только что очнулся: «Я поеду таперь, — говорит, — не пить, не есть не стану. Гром загремит, роса станет падать, ти на дворе не будь! Пусть, может, это пройдет, вдруг станет моя лошадь уши прикладывать да дергаться, а ти на него онну руку положи, повод стрежь — она сама на шибя сбросит тебя и принесет (ко) мне». Уяхал.

Сидел, сидел. На двор вишёл. Вдруг гром загремел, роса стала падать. Я побежал в юрту. Только что до дверей добежал — ничего не чувствую. Лежал, лежал, лежал, долго ли, коротко ли — учувствовался. Вишёл на двор, (в)зглянул — эта лошадь уши прикладывает и дергается в лес. Я вжал онну руку положил, повод отрезал — лошадь меня на шибя сбросил и понес.

Вижу — он лежит, в лице кровь играт, глазами мигат, а сам не баает. Подальше лежит богатырь — только приздымает голову, соскочить хочет. Он мне указыват, чтобы у этого богатыря персек голову. Я поймал саблю —

саблю не мог поннать. Делать нечего, этого богатыря надоть убить. Взял эту саблю, завязал коню за хвост и поволок. Эта шабля как шла за конским хвостом, и сразу у этого богатыря персек голову. Как никак православной богатырь ожил.

Смотру — богатырь ношит перчень золотой. Взял я этот перчень со вшем пальцем отрубил и положил в карман. Пояхали домой, к юрте. Прияхали. «Ну, парень, — говорит, как-никак три богатыря убили. Таперя лягём оба спать». Спать лягли.

Встали утром. Я хожу, этот перчень такой тяжелый в кармане — меня на бок кидает. Об онну пору он говорит: «Чо, парень, это чибя на бок кидает?» Я говорю: «Сам». — «А раньше как чибя не кидало? У богатыря чего-нибудь не взял ли?» — «Э, взял, — говорю, — правильно, перчень». — «Поди этим перченем стрель: богатырь ешли оживет, то будет чибе смерть и мне». Я побежал и перчень понес.

Бежал, бежал. Смотру — богатырь ожить хочет, голова стростлась. Богатырь соскакиват — я его этим перченем кинул. И голова отлетела — богатырь умер. Воротился назад. «Ну что, парень, богатыря застал?» — «Застал». — «Убил?» — «Э, убил». — «Таперя поедем домой», — говорит.

Домой прияхали. Он говорит: «Вожьми мою шестру замуж». Я женился.

Жили, жили, жили. Вдруг об онну пору пришла весть, что сар зовет вшех людей на бал. Мне говорит: «Ну, парень, пьяные будут хвастать: кто жиччьём, кто богачеством, кто чем. А ти ничего не говори, что ми убили троих богатырей».

Прияхали. Вше съяхались на бал. Сидели, сидели на балу, а как раз у этого сара шерди дома стоял столб, а на столбу вешится меч. Стал у этого меча сар и стал говуреть: « Кто их убил, трох моих богатырей и трох сыновей, и трох соколей? Не думал, что их победит душа. А кто их победил, и сам не знаю. Кто би мне сказал, какой человек их убил, я би тому отдал полжиччья, полбиччья, пол-имения своего и половину город людей». Я встаю и отвечаю: «Мелкие будут они, твои сыновья и твои сокола! Они воишу [!] не соколы, ми их победили вот с онним человеком!» Только как это слово сказал, я ничего не слышал — без чувствия лежу.

Вдруг учувствовался — ни город даже, нехто нету, шерди озера стоит пень, на пену кукушка кукует. Вижу — едет человек. Стал смотреть, — который этих богатырей убил, тот человек едет. Как подъяхал (ко) мне, поймал меня,

онну руку изломал, онну ногу изломал и один глаз выкопал. Брошил на сани. Слышу — человек охает. Стал смотреть — вот это моя жена: рука изломанная, нога изломанная и один глаз выкопанный. Повез нас, принес в этот самый город, в эту юрту, дал всяки разные закуски, всяки разные запивки, стобы на наш век хватило. Он уехал, и больше ми его не видели. И вот живем хорошо до таперя.

Вот, Дурак Сибиряк, слушай, ми какие люди були, дак не хвастаем, а ти какие-то изломал луки и хвастаешься!»

Только.

(Записал Н. А. Габышев 19.04 1946 г. от С. П. Киселева)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.